

Vladimir Vladimirovich Maiakovskii

Владимир Владимирович Маяковский

(1893-1930)

Outra página sobre o mesmo autor neste site, [aqui](#)

ХОРОШЕЕ ОТНОШЕНИЕ К ЛОШАДЯМ

Били копыта,
Пели будто:
- Гриб.
Грабь.
Гроб.
Груб.-
Ветром опита,
льдом обута
улица скользила.
Лошадь на круп
грохнулась,
и сразу
за зевакой зевака,
штаны пришедшие Кузнецким клёшить,
сгрудились,
смех зазвенел и зазвякал:
- Лошадь упала!
- Упала лошадь! -
Смеялся Кузнецкий.
Лишь один я
голос свой не вмешивал в вой ему.
Подошел
и вижу
глаза лошадиные...
Улица опрокинулась,
течет по-своему...
Подошел и вижу -
За капليщей каплища
по морде катится,
прячется в шерсти...
И какая-то общая

ON BEING KIND TO HORSES

Hooves drummed,
Seeming to say,
Clip,
Clop,
Crop,
Crap.

Drink with wind,
Shod in ice,
the street slipped.
The horse
Collapsed
On its cropper,
Crowds of gapers
Gathered, crowds
Of trousers coming to a crotch
on Kuznetsky Street.
Gathered in a seam,
Laughter tittered and spluttered.
"A horse down,
A horse has slipped,"
Snickered the whole Kuznetsky.
I alone
Failed to add my voice to its howl.
I went up
And saw
The horse's great eyes...
The street upturned
And floating,
The way he saw it...

звериная тоска
плеща вылилась из меня
и расплылась в шелесте.
"Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте -
чего вы думаете, что вы сих плоше?
Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь".
Может быть,
- старая -
и не нуждалась в няньке,
может быть, и мысль ей моя казалась пошла,
только
лошадь
рванулась,
встала на ноги,
ржанула
и пошла.
Хвостом помахивала.
Рыжий ребенок.
Пришла веселая,
стала в стойло.
И всё ей казалось -
она жеребенок,
и стоило жить,
и работать стоило.
1918

ПОСЛУШАЙТЕ!

Послушайте!
Ведь, если звезды зажигают -
значит - это кому-нибудь нужно?
Значит - кто-то хочет, чтобы они были?
Значит - кто-то называет эти плевочки
жемчужиной?
И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
врывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит -
чтоб обязательно была звезда! -
клянется -
не перенесет эту беззвездную муку!
А после
ходит тревожный,
но спокойный наружно.

I went up and saw
Tear after large tear
Dripping down his muzzle
And onto his coat...
And a moaning
And animal-like grief
Burst out in a flood,
And, rustling, spread.
"Horse, don't you cry.
Horse, listen.
What do you think! Are you worse than them?
My child, we are all
To some extent horses.
All of us have in us
Some of the horse."
The horse my have been old
And needed no nursing,
What I said might have seemed trite
But nevertheless
It lurched
To its feet,
Whinned and
Moved off again.
It went back to its stable,
Stood content in its stall.
And it thought it was
A young colt again,
That it is worthwhile living
And it wasn't bad working.

Listen !

Listen,
if stars are lit
it means - there is someone who needs it.
It means - someone wants them to be,
that someone deems those specks of spit
magnificent.
And overwrought,
in the swirls of afternoon dust,
he bursts in on God,
afraid he might be already late.
In tears,
he kisses God's sinewy hand
and begs him to guarantee
that there will definitely be a star.
He swears
he won't be able to stand
that starless ordeal.
Later,
He wanders around, worried,

Говорит кому-то:
"Ведь теперь тебе ничего?
Не страшно?
Да?!"
Послушайте!
Ведь, если звезды
зажигают -
значит - это кому-нибудь нужно?
Значит - это необходимо,
чтобы каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?!

1914

Hear the poem

Необычайное приключение, бывшее с
Владимиром Маяковским летом на даче

*(Пушкино, Акулова гора, дача Румянцева,
27 верст по Ярославской жел. дор.)*

В сто сорок солнц закат пылал,
в июль катилось лето,
была жара,
жара плыла -
на даче было это.
Пригорок Пушкино горбил
Акуловой горою,
а низ горы - деревней был,
кривился крыш корою.
А за деревнею -
дыра,
и в ту дыру, наверно,
спускалось солнце каждый раз,
медленно и верно.
А завтра
снова
мир залить
вставало солнце ало.
И день за днем
ужасно злить
меня
вот это
стало.
И так однажды разозлясь,
что в страхе все поблекло,
в упор я крикнул солнцу:
"Слазь!
довольно шляться в пекло!"
Я крикнул солнцу:
"Дармоед!

but outwardly calm.
And to everyone else, he says:
'Now,
it's all right.
You are no longer afraid,
are you?'
Listen,
if stars are lit,
it means - there is someone who needs it.
It means it is essential
that every evening
at least one star should ascend
over the crest of the building.

AN EXTRAORDINARY ADVENTURE
WHICH HAPPENED TO ME, VLADIMIR
MAYAKOVSKY, ONE SUMMER IN THE
COUNTRY

*(Pushkino, Mount Akula, Rumyantsev Cottage,
20 miles down the Yaroslav Railway)*

A hundred suns the sunset fired,
into July summer shunted,
it was so hot,
even heat perspired-
it happened in the country.
The little hamlet known as Pushkino,
Akula's Mount
made hunchbacked.
Below, the village
seemed pushed-in so --
its crooked roof-crusts cracked.
And beyond that village
yawned a hole,
into that hole- and not just maybe -
the sun for certain always rolled,
slowly, surely, daily.
At morn
to flood the world
again
the sun rose up-
and ruddied it.
Day after day
it happened this way,
till I got
fed up with it.
And one day I let out such a shout,
that everything grew pale,
point-blank at the sun I yelled:
"Get out!
Enough of loafing there in hell!"

занежен в облака ты,
а тут - не знай ни зим, ни лет,
сиди, рисуй плакаты!"
Я крикнул солнцу:
"Погоди!
послушай, златолобо,
чем так,
без дела заходить,
ко мне
на чай зашло бы!"
Что я наделал!
Я погиб!
Ко мне,
по доброй воле,
само,
раскинув луч-шаги,
шагает солнце в поле.
Хочу испуг не показать -
и ретируюсь задом.
Уже в саду его глаза.
Уже проходит садом.
В окошки,
в двери,
в щель войдя,
валилась солнца масса,
ввалилось;
дух переведа,
заговорило басом:
"Гоню обратно я огни
впервые с сотворенья.
Ты звал меня?
Чаи гони,
гони, поэт, варенье!"
Слеза из глаз у самого -
жара с ума сводила,
но я ему -
на самовар:
"Ну что ж,
садись, светило!"
Черт дернул дерзоси мои
орать ему, -
сконфужен,
я сел на уголок скамьи,
боюсь - не вышло б хуже!
Но странная из солнца ясь
струилась, -
и степенность
забыв,
сижу, разговорясь
с светилом постепенно.
Про то,

To the sun I yelled:
"You lazy mummer!
in the clouds cushioning,
while here - knowing neither winter nor
summer,
I sit, just posters brushing!"
I yelled to the sun:
"Hey, wait there!
Listen, golden brightbrow,
instead of vainly
setting in the air,
have tea with me
right now!"
What have I done!
For ruin I'm heading!
To me,
of his own goodwill,
the sun himself,
ray-strides outspreading,
is marching over the hill.
Not wanting to show him I'm afraid-
back I retreat, guardedly.
Now his eyes lighten the garden shade.
He's actually in the garden now.
Through windows,
doors,
crannies he spread;
in flooded a sunny mass,
having burst in
he drew his breath,
and spoke in a deep bass.
"I've withheld my fires you see
the first time since creation began.
You've invited me?
So lay out the tea,
and, poet, lay on the jam!"
Tears from my poor eyes were streaming-
the heat really made me scary,
all the same-
I got the samovar steaming:
"Of course,
sit down, comrade luminary!"
What possessed me to shout at him like a fool,
inwardly myself I cursed, -
and sat confused
on the corner of a stool,
frightened it might be worse!
But a radiance strange
streamed from the sun, -
and my tact
no longer taxing,

про это говорю,
что-де заела Роста,
а солнце:
"Ладно,
не горюй,
смотри на вещи просто!"
А мне, ты думаешь,
светить
легко?
- Поди, попробуй! -
А вот идешь -
взялось идти,
идешь - и светишь в оба!"
Болтали так до темноты -
до бывшей ночи то есть.
Какая тьма уж тут?
На "ты"
мы с ним, совсем освоюсь.
И скоро,
дружбы не тая,
бью по плечу его я.
А солнце тоже:
"Ты да я,
нас, товарищ, двое!
Пойдем, поэт,
взорим,
вспоем
у мира в сером хламе.
Я буду солнце лить свое,
а ты - свое,
стихами".
Стена теней,
ночей тюрьма
под солнц двустволкой пала.
Стихов и света кутерьма -
сияй во что попало!
Устанет то,
и хочет ночь
прилечь,
тепая сонница.
Вдруг - я
во всю светаю мочь -
и снова день трезвонится.
Светить всегда,
светить везде,
до дней последних донца,
светить -
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой -
и солнца!

I sit and chat with the luminated one,
gradually relaxing.
About this,
and about that I chatted,
worn out with ROSTA publicity,
but the sun:
"Alright,
don't get so rattled,
see things with greater simplicity!
You think it's easy
for me
to shine so?
- If so, come and have a test! -
But once you go -
why have a go
go - and shine your damnedest!"
We gossiped like that till darkness appeared,
till the night before, that is.
For how could there be any darkness here?
And now
like chums we chatted.
And soon,
in open friendship bonded,
to slap him on the back I dared.
And likewise the sun
warmly responded:
"Why, comrade, we're a pair!
Come, poet,
let us dawn
and sing
away the drabness of the universe.
As the sun, myself I'll fling,
and you - yourself,
in verse."
And shadows' walls,
and jails of night
fell to its double-barreled shot.
Battering barrage of poetry and light -
shine out, no matter what!
And when the sun gets tired,
and night
wants to rest
its sleepy-headed,
why suddenly -
I shine with all my might -
and once more day is trumpeted.
Shine all the time,
for ever shine.
the last days' depths to plumb,
to shine - !
spite every hell combined!

1920

Hear the poem

Кофта фата

Я сошью себе черные штаны
из бархата голоса моего.
Желтую кофту из трех аршин заката.
По Невскому мира, по лощеным полосам
его,
профланирую шагом Дон-Жуана и фата.
Пусть земля кричит, в покое
обабившись:
"Ты зеленые весны идешь насиловать!"
Я брошу солнцу, нагло ослабившись:
"На глади асфальта мне хорошо
грассировать!"
Не потому ли, что небо голубо,
а земля мне любовница в этой
праздничной
чистке,
я дарю вам стихи, веселые, как би-ба-бо
и острые и нужные, как зубочистки!
Женщины, любящие мое мясо, и эта
девушка, смотрящая на меня, как на
брата,
закидайте улыбками меня, поэта,-
я цветами нашью их мне на кофту фата!
1914

Hear the poem

Из улицы в улицу

У-
лица.
Лица
У
догов
годов
рез-
че.
Че
рез
железных коней
с окон бегущих домов
прыгнули первые кубы.
Лебеди шей колокольных
гнитесь в силках проводов!
В небе жирафий рисунок готов
выпестрить ржавые кубы.
Пестер, как фореель,

So runs my slogan -
and the sun's!

The Fop's Blouse

I will sew myself black trousers
from the velvet of my voice.
And from three yards of sunset, a yellow blouse.
Along the world's main street, along its glossy lanes,
I will saunter with the gait of Don Juan, a fop.
Let the earth, overripe and placid, cry out:
"You would rape the green Spring!"
I'll yell at the sun with an impudent grin
"I prefer to prance on smooth
asphalt!"
Isn't it because the sky is blue,
And the earth is my lover in this spring
cleaning,
that I give you verses fun as bi-bah-boh
and sharp and useful as toothpicks!
Women who love my flesh, and you,
girl, looking at me like a brother,
toss your smiles to me, the poet -
and I'll sew them like flowers onto my fop's
blouse!
1914

From Street to Street

The boule-
vard.
Bull-
dogs
of years
your faces
grow steely.
Steel horses
steal the first cubes
jumping from the windows
of fleeting houses.
Swan-necked belfries
bend in electric-wire nooses!
The giraffe-hide sky unlooses
motley carrot-top bangs.
The son
of patternless fields
is dappled like trout.
Concealed by clocktower faces,
a magician

сын
безузорной пашни.
Фокусник
рельсы
тянет из пасти трамвая,
скрыт циферблатами башни.
Мы завоеваны!
Ванны.
Души.
Лифт.
Лиф души расстегнули!
Тело жгут руки.
Кричи не кричи:
"я не хотела!" -
резок
жгут
муки.
Ветер колючий
трубе
вырывает
дымчатой шерсти клок.
Лысый фонарь
сладоострастно снимает
с улицы
черный чулок.
1913

pulls
rails from the muzzle of a tram.
We are enslaved!
Baths.
Showers.
Elevators
elevate
the soul's bodice.
Hands
burn
the body.
Cry all you may:
"I didn't want it!" -
a rope-
burn
of torment.
From the chimney
a whipping wind tears
a gray tuft of wool.
A balding lamppost
lustfully strips off
the street's
black stocking.
1913